

интерактивной сетью в российском сегменте Интернета, проигрывая самым развитым социальным сетям (Одноклассники, ВКонтакте, Мой мир и др.). Это объясняется тем, что полный переход на новый уровень политической коммуникации между властью и гражданами может произойти исключительно в условиях конкурентной борьбы сетевых ресурсов политической направленности между собой, и выражением свободы слова всех пользователей этих сетей, независимо от их политических предпочтений, а без этого будет выглядеть лишь скромными попытками и пустой декларацией новых моделей информационного взаимодействия интернет-проектов власти.

Необходимо отметить также, что Интернет является сферой, которая развивается чрезвычайно активно и динамично. Вследствие этого исследователь неизбежно сталкивается со следующей проблемой: политологическое значение, а также иные следствия и заключения, вынесенные из анализа коммуникаций в интернет-пространстве, могут меняться с молниеносной быстротой, что может кардинальным образом влиять на общую картину когнитивной реальности. Именно поэтому мы хотели бы лишний раз обратить внимание на то, что исследования в области политических коммуникаций в Интернете должны вестись постоянно и иметь систематический характер, который бы позволил своевременно обнаруживать все актуальные тенденции в развитии данной сферы. Также следует обращать особое внимание на разработку теоретических схем и концепций, способных дать современным политологам должный потенциал для исследований в этой области.

С.Г. Давыдов

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СИБИРСКИХ ГОРОЖАН

Настоящая статья подготовлена по результатам эмпирического исследования содержательных аспектов самоидентификации жителей городов Сибирского федерального округа в качестве представителей единого региона. При этом рассматривались представления, сформировавшиеся не вокруг нового административно-территориального деления России на округа, но вокруг Сибири как более традиционного, широкого, но и в то же время неоднозначно трактуемого понятия.

Этимология слова “Сибирь” считается до конца не установленной. Согласно теории З.Я. Бояршиновой, получившей наибольшее распространение, оно произошло от названия этни-

ческой группы “сипыр” и в дальнейшем распространилось на народность, проживавшую по реке Иртыш в районе современного Тобольска¹. В иранских летописях XIII в. термин используется уже для обозначения местности. В XVI в. под Сибирью понимается вся территория, лежащая на восток от Волги. Позднее западная граница Сибири была перемещена до Уральских гор, на востоке же территории доходили до Тихого океана. Ограничение Сибири с востока было произведено в 1920 г., когда была провозглашена Дальневосточная республика. Согласно Большой советской энциклопедии, Сибирь — “территория, занимающая большую часть Северной Азии <...> площадь около 10 млн кв. км”². Обратим внимание, что в соответствии с современным административно-территориальным делением, территория Сибирского федерального округа составляет 5145 тыс. кв. км³, т.е. примерно в два раза меньше.

Очевидно, что историко-географическая концепция Сибири весьма подвижна. В то же время она достаточно глубоко укоренена в массовом сознании не только жителей восточной части России, но даже всех россиян. Сибирь принадлежит к числу регионов страны, наиболее известных за рубежом. При этом как для россиян, так и для иностранцев, Сибирь является неотъемлемой, типической и вместе с тем специфической частью страны. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с наиболее ярким для России примером формирования региональной идентичности, включающей в себя население не только целого ряда краев и областей, но и нескольких федеральных округов, что обуславливает особую актуальность исследования данного феномена.

Задачи, связанные с исследованием механизмов макрорегиональной идентификации и содержательных представлений, связанных с Сибирью, были поставлены в 2007 г. в рамках массового опроса жителей крупных городов Сибирского федерального округа, проведенного Международным центром маркетинговых и социальных исследований “ГФК-Русь” по заказу ООО “Формедиа”.

Генеральная совокупность исследования — население городов Сибирского федерального округа с численностью населения от 100 000 жителей и более в возрасте от 16 лет и старше. Тип выборки исследования — многоступенчатая. На первом этапе был осуществлен отбор городов для проведения исследова-

¹ См.: Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

² Кротов В.А. Сибирь // Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 23. С. 1976.

³ Данные приводятся по состоянию на 2005-й год (Регионы России. Социально-экономические показатели. Офиц. изд. М., 2006. С. 20).

ния. На втором этапе осуществлялся отбор домашних хозяйств для проведения опроса по случайному маршрутному принципу. Наконец, на третьем этапе осуществлялся отбор респондентов для проведения интервью в соответствии с заданными квотами. Квотировались пол, возраст и наличие/отсутствие у респондентов высшего образования в соответствии с официальными данными Росстата. Из 20 городов СФО с населением 100 000+ полевые работы проводились в 11 (Абакан, Ангарск, Ачинск, Барнаул, Иркутск, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск). Период проведения полевых работ: с 15 ноября по 5 декабря 2007 г.

Объем выборки исследования — 993 респондента. В процессе обработки каждому респонденту был присвоен весовой коэффициент с учетом половозрастной, образовательной и региональной структурами населения Сибирского федерального округа.

Автор выражает благодарность за возможность реализации исследовательского проекта и публикации его результатов представителям “Формедиа” Р.Т. Терекбаеву, Г.М. Сегодиной, Ю.Д. Якуниной и Ю.Б. Нашутинской, принявшим активное участие в формировании программы исследования и интерпретации полученных результатов. В проекте также были заняты сотрудники “ГФК-Русь” Т.Г. Белокопытова, А.И. Дутов и А.В. Мусаев.

ПОНЯТИЕ “СИБИРЬ” В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Результаты многочисленных опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что интерпретация распространенных понятий массовым сознанием может весьма существенно отличаться от словарных определений. В данной связи первой задачей, поставленной в рамках настоящего исследования, было выявление содержательной наполненности понятия “Сибирь” как в рациональном, так и эмоциональном аспектах. Для решения указанной задачи были использованы методики свободных и направленных ассоциаций.

Участникам исследования был задан открытый вопрос: «Скажите, пожалуйста, что вам приходит на ум, какие ассоциации у вас возникают, когда вы слышите слово “Сибирь”?»⁴. Полученное распределение ответов свидетельствует о том, что наиболее часто встречающиеся ассоциации, характерные почти для половины населения (48,6%), связаны с суровым северным климатом, а также зимним, снежным временем года. Слова,

⁴Общая сумма ответов на вопрос составляет более 100%, поскольку при интерпретации некоторые высказывания могли быть отнесены одновременно к нескольким группам.

которые наиболее часто использовались респондентами в этой группе, — “мороз”, “зима”, “снег”, “холод”, “лед”, “ветер”, “суровый край” и т.д.

Примерно каждый шестой опрошенный (17,1%) в своем ответе указал на то, что Сибирь для него — прежде всего родина, родная сторона. Немногим реже встречались высказывания, в которых ассоциации связаны с неживой природой. Характерные примеры таких ответов: “природа”, “горы”, “реки”, “озеро”. В некоторых случаях назывались конкретные названия гор, рек, озер и т.д., как правило, находящиеся в непосредственной близости от места проживания респондента. Например, жители Иркутска называли Ангару и Байкал, жители Красноярска — Енисей, жители Абакана — Саяны и т.д.

Для 8,2% опрошенных Сибирь — это “богатый край”, причем богатство его определяется добываемыми в нем полезными ископаемыми. Чаще всего в данном контексте упоминались нефть и газ. 7,2% ассоциаций связаны с медведем. В некоторых случаях опрошенные уточняли, какой медведь имеется в виду, бурый или белый. В ходе опроса были зафиксированы и другие ассоциации из животного мира (например, соболь), однако их упоминания носили единичный характер. Достаточно распространенными оказались ассоциации с просторами, большой и протяженной территорией (5,3%). В некоторых случаях уточнялось, что речь идет о территориях периферийных, “удаленных от столицы”. Наконец, для 2,5% опрошенных Сибирь — это в первую очередь проживающие здесь люди.

Представляется довольно показательным, что доминирующий характер среди вышеприведенных ответов носят ассоциации, так или иначе связанные с природой. При этом следует принять во внимание, что в опросе участвовали жители крупных и средних городов, которые в меньшей степени по сравнению с остальным населением региона, т.е. населением малых городов и сел, связаны с природой, в целом предстающей в массовом сознании как суровая, холодная, однако в то же время протяженная, богатая, красивая и — по крайней мере, для части опрошенных — родная. Некоторые ассоциации часто проецируются на всю страну. Так, медведь часто используется в качестве символа всей России. Более того, весьма часто встречаются характеристики России как, с одной стороны, страны холодной, протяженной, а с другой — богатой нефтью и газом. Получается, что ряд базовых качеств, присущих имиджу всей страны, в наибольшей степени характерны именно для Сибирского края. Интересно, что любые ассоциации с конкретными местами Сибири преимущественно носят локальный характер; не является

исключением даже уникальное, всемирно известное оз. Байкал. Это еще одно свидетельство протяженности и богатства региона. Отметим, что при традиционной сложности вопросов на ассоциации для участников массовых опросов, доля полученных содержательных ответов оказалась весьма высока — 88,1%.

Сделанные выше выводы подтверждаются полученным распределением ответов на открытый вопрос о том, какая вещь, событие или факт могли бы стать символом Сибири. Полученные высказывания очень вариативны, наиболее распространенный среди них — все тот же “национальный” медведь (19,5%). Часто упоминались хвойные деревья (ель, сосна, кедр) и шишки — 8,7%, а также лес (тайга), растущие в лесу грибы, ягоды (7,3%). В пятерку по частоте упоминаний вошли также символы, связанные с холодами и морозами (“вьюга”, “морозы”, “снег”, “зима” — 6,9%) и оз. Байкал (6,2%). В числе других предложенных символов — животные (соболь, белка, барс); природные ресурсы (нефть, газ, уголь); поля, просторы; Ермак (покорителя Сибири в качестве символа назвали 1,2% опрошенных); спортивные символы (например, связанные с хоккеем, лыжами); продукты питания (пельмени, хлеб, водка). Сравнительно часто символы носят “местный характер”; помимо уже упомянутого оз. Байкал, бесспорного лидера в данной подгруппе, сюда же относятся Енисей, Саяны, новосибирский Академгородок, Красноярские Столбы, Саяно-Шушенская ГЭС, мост через Ангару и т.д. Затруднились указать свои ассоциации в данном случае 29,9% опрошенных.

Учитывая высокое совпадение элементов, из которых складываются образы Сибири и России, можем ли мы говорить о каких-либо существенных различиях между краем и “остальной” Россией? По мнению двух из трех (точнее, 68,9%) сибиряков-горожан, такие различия существуют. При этом крайнюю степень согласия с утверждением (“безусловно да”) выразили 44,6% опрошенных, ответ “скорее, да” дали 25,1% респондентов. Не видящих таковых различий примерно в три раза меньше — 22,3% (8,9% ответить на вопрос затруднились), причем крайнюю степень уверенности (“безусловно нет”) выразили всего 3,9%, а 17,5% выбрали более мягкую форму ответа (“скорее нет”).

Распределение ответов на анализируемый вопрос слабо различается в основных социально-демографических группах: значимых расхождений между группами по полу, возрасту или уровню образования не выявлено, за исключением более высокого уровня согласия с рассматриваемым тезисом в подгруппе респондентов от 55 до 64 лет (79,6%). Некоторые различия были выявлены между представителями крупных и средних городов,

а также между потребительскими группами⁵. Если в городах с населением более 500 000 человек доли видящих и не видящих различия между Сибирью и другими регионами России составляют 71,8 и 19,2%, то в городах от 100 000 до 500 000 жителей таковых уже 63,1 и 28,8% соответственно. Среди потребительских групп наиболее высок уровень согласия с рассматриваемым тезисом среди реализовавшихся — 85,9%; выше среднего он также среди новаторов (78,5%) и стабильных (77,9%). В остальных четырех группах уровень согласия ниже среднего, причем самый низкий среди стремящихся вверх (52,2%) и экономящих (57,4%). Подчеркнем, однако, что во всех группах доля респондентов, соглашающихся с анализируемым утверждением, составляет более половины.

По мнению 38,4% респондентов, отмечающих различия, они связаны с климатом, т.е. опять-таки носят “природный” характер. Кроме того, в 15,1% высказанных мнений различия связываются с уровнем жизни (указывая на его более низкий характер); 13,1% — с природой и территорией; 12,1% — с людьми, проживающими в регионе, и их менталитетом (“люди добрее”, “отношения людей проще”, “дети меньше испорчены”); 8,6% — с развитием в Сибирском крае промышленности, добычи ресур-

⁵Типология российских потребителей разработана специалистами “ГФК-Русь” в 2001 г. и основана на кластеризации респондентов на основании ответов на блок содержательных утверждений, с которыми предлагается выразить согласие или несогласие по пятибалльной шкале. Названия кластеров во многом говорят за себя, приведем их краткую характеристику из стандартного описания методики. “Новаторы — группа людей с высоким потребительским потенциалом, ориентированная на все новое, а также на надежность, качество товара, заботу о здоровье, активный отдых. Реализовавшиеся — группа людей с высоким потребительским потенциалом, в основном реализовавших свои потребительские амбиции, ориентирующихся на надежность, качество товара, заботу о здоровье. В связи с ощущением самореализации предпочитают традиционные качественные товары и не гонятся за новизной. Стабильные — группа людей с потребительским потенциалом чуть выше среднего и с обычным потребительским поведением. Обращают внимание на надежность и качество товара, но при этом выбирают подешевле. Не слишком интересуются новинками как таковыми. Скорее склоняются к известным, проверенным товарам. Спонтанные — группа людей со средним потребительским потенциалом, не имеющих явно выраженных потребительских пристрастий, в связи с чем их потребительское поведение спонтанно и импульсивно. Наиболее выраженным фактором, определяющим их потребительское поведение является фактор времени. Стремящиеся вверх — группа людей с не слишком высоким потребительским потенциалом, однако ориентирующихся на более престижное потребление. В этой связи высокое стремление к новаторству, представление о котором они часто получают через рекламу. Больше важен престиж, а не надежность и качество товара. Традиционалисты — группа людей с невысоким потребительским потенциалом, ориентирующиеся на традиционные ценности. Экономящие — группа людей с самым низким потребительским потенциалом и самым низким доходом, стремящиеся к приобретению товаров по самым низким ценам. Другие факторы имеют небольшое значение”.

сов. Также 2,9% отмечают различия в культуре, традициях; наконец, 2,7% — с периферийностью, удаленностью от Центра.

Таким образом, различия между Сибирью и другими частями России в первую очередь отмечают респонденты, для которых влияние факторов суровости сибирского климата, социокультурной самобытности и периферийного положения региона со всеми его плюсами и минусами является наиболее ощутимым.

ОБРАЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

Истории Сибири как региональной целостности посвящено множество научных публикаций. Для формирования региональной идентичности, однако, важна не столько теоретическая разработанность вопроса, сколько наличие в массовом сознании образа общей истории. В свою очередь элементами образа истории являются значимые события и ключевые персоны — политические, социальные, культурные лидеры прошлого. О сформировавшейся идентичности применительно к региону можно говорить лишь в том случае, если «образ истории», с одной стороны, не сводится к истории национального уровня, а с другой — не распадается на множество «локальных историй» (областных, краевых, городских и т.д.).

Изучение событийного и персонификационного аспектов образа региональной истории, как и в случае с исследованием понятия «Сибирь», осуществлялось с использованием ассоциативных методик. Респондентам было предложено назвать три исторических события, имена/фамилии трех исторических деятелей — государственных и общественных, культуры и искусства, а также трех наших современников — государственных и общественных деятелей, деятелей культуры и искусства, которые ассоциируются у исследуемых со словом «Сибирь».

Вопрос, связанный с историческими событиями, оказался для респондентов сложным: затруднились назвать свои ассоциации 58,7% опрошенных. Ассоциации тех, кто ответил, можно условно разделить на две большие группы. К первой относятся хрестоматийные события из истории Сибири XVI — начала XX в. Бесспорным лидером по числу упоминаний — не только в этой группе, но и обеим группам в целом — оказалось покорение Сибирского края Ермаком, о котором вспомнили 30,6% участников исследования. К этой же группе относятся каторга и ссылка в Сибирь известных общественных, политических и культурных деятелей России (наиболее часто назывались декабристы, Ленин, Достоевский), освоение Сибири и др., а также достаточно часто упоминавшаяся Гражданская война (8,3%) и деятельность в ее контексте А. Колчака.

События второй группы относятся к «актуальной» истории, т.е. их свидетели есть среди живущих в настоящее время поколений. Наиболее часто здесь упоминались различные стройки Сибири, которые назвали 13,9% опрошенных. Респонденты с разной частотой называли такие разные события, как строительство Красноярской, Иркутской, Саяно-Шушенской ГЭС, открытие метро в Новосибирске и Омске, строительство Транссиба, открытие в Новосибирске Академгородка и Оперного театра и т.д.

Назывались участниками исследования и такие события из истории XX в., которые имеют общероссийское значение. Прежде всего это Великая Отечественная война, о которой упомянули 4,3% респондентов. В числе ответов фигурируют также репрессии 1930-х гг., послевоенное возрождение, освоение целинных земель и др. Нельзя не отметить, что в восприятии, опыте переживания сибиряками указанных национальных событий, как правило, есть особенности, которые не характерны для представителей других регионов страны. Например, Великая Отечественная война по вполне очевидным причинам часто называлась в контексте эвакуации, работы в тылу.

К обеим группам (хотя к первой все же в большей степени) относятся события, связанные с основанием сибирских городов, о которых упомянули 3,7% опрошенных, а также открытием различных сибирских месторождений полезных ископаемых. В отдельных — весьма малочисленных, впрочем, — случаях опрошенный называл исторические события, с Сибирью не связанные (например, монголо-татарское иго).

Перейдем к рассмотрению списков персоналий, связанных в сознании респондентов с Сибирским регионом. В целом, разброс ответов оказался достаточно высоким. Участники исследования назвали 246 исторических деятелей и 232 современника. При этом не назвали ни одной исторической персоналии около трети респондентов (33,7%). Несколько проще оказалась задача привести имена и фамилии современников: ее не смогли выполнить 28,2% опрошенных. Количество названных фамилий примерно одинаковое: и в первом, и во втором случае в среднем по выборке оно составляет 1,5 персоналии на респондента; если же рассчитывать показатель от числа ответивших на вопрос, то в первом случае он составит 2,2, а во втором — 2,1 персоналии на человека.

Анализируя упоминавшиеся персоналии, далее мы будем говорить только о тех из них, которые попали в списки 30 наиболее часто встречающихся фамилий. Исторические деятели и современники, не попавшие в списки, в обоих случаях упоминались не более чем 1,1% опрошенных.

Имена, попавшие в список исторических деятелей, связанных с регионом исследования, можно условно разделить на следующие группы. Первая из них — отцы-основатели, т.е. общественные и политические деятели, которые внесли особо заметный вклад в становление и развитие Сибири. Бесспорное лидерство здесь принадлежит Ермаку Тимофеевичу: его упомянули 27,8% от общего числа исследуемых, или 41,9% среди ответивших на вопрос. Ни один другой исторический или современный деятель по числу упоминаний с Ермаком сравниться не может. Помимо последнего, к числу отцов-основателей относятся купцы-промышленники Демидовы, Е. Кухтерин, основатель Красноярска А. Дубенский и др.

Весьма значительна доля упоминаний сибиряков — деятелей культурной сферы. Сюда входят как выходцы из Сибири, получившие известность после того как они покинули регион, — художники В. Суриков (из Красноярска) и М. Врубель (из Омска), актеры М. Ульянов (из Омской области), Л. Полищук (из Омска), кинорежиссер и писатель В. Шукшин (из Алтайского края) и др. Некоторые представители группы, известные на всю страну, жили и работали (в отдельных случаях — продолжают жить и работать) в Сибири — писатели В. Астафьев, А. Вампилов, В. Распутин, основатель новосибирского Академгородка, математик М. Лаврентьев, иркутский городской голова и собиратель живописи В. Сукачев и др.

Назывались респондентами также исторические деятели “национального масштаба”, не являющиеся выходцами из Сибири. Упоминание их обусловлено тем, что с Сибирью связан определенный этап их жизни. Например, для Ф. Достоевского и В. Ленина — время пребывания в ссылке. У другого представителя группы — С. Кирова — дореволюционный период жизни связан с Томском и Иркутском. Петербургский писатель и инженер Н. Гарин-Михайловский работал на строительстве Великого Сибирского пути и др.

Достаточно заметно представительство группы сибиряков-военных. Сюда входят, в частности герои Великой Отечественной войны, уроженец Новосибирска летчик А. Покрышкин и генерал Д. Карбышев, родившийся в Омске. Особо хотелось бы отметить присутствие в данной группе морского офицера и популярного исследователя А. Колчака. Он занимает второе место в общем списке, по своему показателю (9,5%) заметно опережая находящегося на третьем месте В. Сурикова (5,5%). Бесспорно, Колчак — весьма яркая историческая фигура не только сибирского, но общероссийского масштаба, однако, его столь высокая позиция представляется несколько неожиданной — прежде всего в свете неоднозначности трактовки его роли в рамках

“школьной” истории. (Следует отметить, что опрос проводился до выхода на экраны художественного фильма “Адмирал”, который привлек дополнительное внимание общественности к данной исторической персоналии.)

Если в исторической памяти сибиряков остались прежде всего общественные деятели, а также деятели культуры и науки, то среди современников ведущие места принадлежат политикам. Это бросается в глаза даже при беглом ознакомлении со списком. Современные герои Сибири — в первую очередь губернаторы и мэры городов. Первую тройку упоминаний составляют 3 губернатора: А. Тулеев (Кемеровская область), В. Кресс (Томская область) и Л. Полежаев (Омская область)⁶. В первую десятку входят лишь два человека, не принадлежащие к политической сфере, — писатели А. Вампилов и В. Распутин; как в политической, так и вне политической сферы приобрели известность А. Карелин и М. Евдокимов. В то же время среди респондентов, не входящих в первую десятку, присутствие “неполитических” персоналий заметно повышается. Это и писатели В. Шукшин, А. Астафьев, и певец Д. Хворостовский, и актеры М. Ульянов, В. Золотухин, Л. Полищук, и спортсменка О. Пылева.

Часть персоналий — фигуранты как первого, так и второго списков. За этими людьми признается значительный вклад в жизнь Сибири, “исторический масштаб”. В то же время они воспринимаются как представителями именно современной истории. Некоторые из этих людей здравствуют, другие умерли сравнительно недавно⁷. Сюда относятся преимущественно представители культуры. Обратим внимание, однако, на две фамилии — М. Евдокимова и А. Лебеда, трагически погибших в 2000-е гг. губернаторов Алтайского и Красноярского краев. И тот и другой, будучи нашими современниками, войдут в историю региона.

Итак, полученные результаты позволяют признать наличие в массовом сознании сибиряков достаточно целостных представлений об общей истории региона. Между сформировавшимся “мифом о Сибири” и настоящим прослеживается связь. Внимание сибиряков к судьбе “своих” — знаменитых современников, уроженцев региона — другое свидетельство существования региональной идентичности. Однако проявляется оно на фоне явного ослабления связей между различными частями региона.

⁶ Все должности приводятся на период проведения исследования.

⁷ Впрочем, “недавно” в употребляемом контексте — весьма относительное понятие. Так, В. Шукшин скончался в 1974 г., т.е. за 33 года до проведения исследования.

“НЕОФИЦИАЛЬНАЯ” СТОЛИЦА СИБИРИ

В соответствии с современным административно-территориальным делением центром Сибирского федерального округа является Новосибирск — третий город по численности населения в России и самый крупный по данному показателю в регионе. Однако признает ли его население всей Сибири в качестве столицы региона? Какие еще города могут претендовать на звание центра Сибири — возможно, с большим на то основанием? Чтобы получить ответы на поставленные вопросы, участникам исследования было предложено назвать, во-первых, неофициальный центр политической и социальной жизни региона; во-вторых, неофициальный центр его экономической жизни; в-третьих, неофициальный центр культурной жизни.

Прежде всего отметим существенный характер выявленного в ходе исследования фактора родного города. Выражается данный фактор в том, что значительная часть жителей крупнейших населенных пунктов считает именно свой город местом, где происходят наиболее значимые события уровня всего региона. Влияние фактора родного города различно в зависимости от того, о каком сегменте общественной жизни идет речь. В целом же можно констатировать, что наиболее сильно он проявляется в трех крупнейших городах Сибири — Новосибирске, Омске и Красноярске. Несколько слабее он выражен в Томске, Кемерово и Иркутске.

Полученные данные подтверждают справедливость официального статуса Новосибирска. По мнению большинства опрошенных, именно этот город является региональным центром Сибири номер один не только по уровню политической и социальной жизни, что с учетом его официального статуса вполне ожидаемо, но также и по уровню жизни экономической и культурной. Показательно, что во всех трех случаях Новосибирск сохранил бы свои позиции, даже если бы при подсчете результатов не учитывались “голоса”, отданные за город его представителями.

Представления сибиряков о ведущих политическом/социальном и экономическом региональных центрах достаточно близки. Второе и третье места в обоих списках занимают Красноярск и Омск соответственно, причем на значимом уровне проявляется как отставание по полученным параметрам Омска от Красноярска, так и Красноярска от Новосибирска. При этом для Новосибирска и Красноярска значимость фактора родного города выше, чем для Омска.

Весьма заметным претендентом на роль политического/социального и экономического центра Сибири в общественном

мнении оказалась также Тюмень, по итоговому показателю оказавшаяся в обоих списках четвертой. Отметим, что формально Тюменская область в настоящее время относится не к Сибирскому, а к Уральскому федеральному округу; соответственно представители Тюмени участия в исследовании не принимали. Бесспорно, включение Тюмени в выборку повысило бы итоговый показатель этого города. Если не учитывать мнение респондентов, назвавших свой город проживания, то по полученным показателям Тюмень опережает и Омск, и Красноярск, выходя на второе место за Новосибирском.

Полученные в отношении Тюмени данные указывают на то, что восприятие границ Сибири в сознании населения региона в определенной степени не совпадает с существующим официальным административно-территориальным делением. За пределами Сибирского федерального округа оказались территории, которые не только считаются в Сибири “своими”, но и играют существенную роль для всего региона. К сожалению, результаты исследования позволяют лишь обратить внимание на существование проблемы; сопоставление “ментальных границ” Сибири с формальными границами территорий остается задачей будущих исследований.

Несколько иначе по сравнению с социально-политическим и экономическим воспринимается участниками исследования роль городов Сибири в качестве культурных центров. Если лидерство здесь также принадлежит Новосибирску, то второе место в списке занимает Томск — правда, во многом благодаря высокой самооценке культурной жизни населением города. Достаточно высокие позиции в качестве культурного центра занимают те же Красноярск, Омск и Тюмень.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает наличие у сибиряков-горожан достаточно ярко выраженных и устойчивых идентификационных представлений, связанных с регионом проживания и несводимых как к национальному, так и местному уровню. Вместе с тем в рамках исследования были получены и определенные свидетельства эрозии региональной идентичности.

Представления, связанные с особостью Сибирского региона, основываются на трех основных тезисах, каждый из которых имеет высокий уровень распространенности и принятия населением. Первый тезис заключается в территориально-климатической специфике Сибири. Она связывается со значительной протяженностью территории и удаленностью от Центра, с одной стороны, и суровым, “холодным” климатом —

с другой. Второй тезис состоит в богатстве региона различными природными ресурсами. В данном случае выделяемые особенности имеют уже не только и не столько природный, сколько экономический характер. Наконец, суть третьего тезиса в том, что жители Сибири отличаются от остальных россиян. Важно подчеркнуть, что речь в данном случае идет вовсе не о существенных различиях культурного характера, но о культурных особенностях. Сибиряки в общественном мнении региона предстают как более открытые, “теплые”, отзывчивые люди. Представляется, что данные характеристики являются отражением более высокого традиционализма, консерватизма, присущего сибирякам. Поскольку различия проводятся на основании ценностей, значимых для всех россиян, в определенном смысле будет справедливо утверждение, что сибиряки считают себя “в большей степени русскими” по сравнению с представителями других регионов.

Историческое сознание жителей Сибири развитое и гомогенизированное. Уровень мифологизации более ранней истории края довольно высок, то же справедливо и по отношению к событиям XX столетия. Представления о последних в сознании сибиряков тесно переплетены с представлениями об истории страны этого периода. Региональность истории в последнем случае проявляется не на уровне событий, но на уровне уникальности или, по меньшей мере, существенных особенностей — опыта их переживания.

Нельзя не отметить определенные негативные черты, присущие региональной идентичности сибиряков⁸. Некоторые особенности региона (например, сравнительно низкий уровень доходов и ограниченные возможности миграции населения), накладываясь на особенности макрорегиональной идентичности (сильное ощущение периферийности и провинциальности, “забытости” со стороны Центра) и социального опыта и общественного мнения (ощущение утраты взаимосвязей с остальной

⁸ Различные аспекты негативной идентичности россиян подробно анализируются в работах Б.В. Дубина и Л.Д. Гудкова. При этом механизмы негативной идентификации указанные авторы характеризуют как «самоконституцию от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженную в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, — в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо для членов группы или сообщества, короче, в качестве антипода. В принципе такой способ представления или оформления реальности характерен для слабодифференцированных сообществ, отличающихся “горизонтальной”, или “линейной”, структурой социальных отношений (невыведенность, неспециализированность членов сообщества, в антропологическом смысле — “простых” людей)» (К проблеме негативной идентификации // Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004. С. 262–299).

Россией наряду с представлениями об активизации деятельности восточных соседей — Китая, Японии, Кореи), могут в совокупности иметь не только понижающий эффект на социальную самоидентификацию сибиряков, но и служить устойчивой базой для формирования социальных тревог и страхов. Напомним, что исследование охватывало крупные и средние города; основываясь на тенденциях общего характера, зафиксированных ранее, следует сделать вывод, что при распространении выборки на малые города и село указанные тенденции проявились бы еще более значимо.

Наконец, еще одной особенностью рассматриваемой региональной идентичности является ее относительно слабая актуализация в современности, что связано с недостаточной поддержкой на институциональном, равно как и на массовом коммуникативном уровнях. Не случайно природные и культурные аспекты оказываются в данном случае существенно более значимы по сравнению с политическими и экономическими. В то же время имеющаяся идентификационная база обуславливает существование в данных областях весьма существенно-го потенциала более высокой интеграции субъектов Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ.

И.С. Бурикова, М.А. Пушкина

ПСИХОЛОГИЯ GOVERNMENT RELATIONS (GR)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА GR

К вопросу о психологическом понимании смысла и содержания government relations

Government relations (GR) — это сравнительно новая самостоятельная сфера политических коммуникаций. Традиционно изучение политических коммуникаций находится на стыке нескольких областей знаний: психологии, социологии, журналистики, политологии и других и связывается в основном с односторонней передачей информации от субъектов политики к объектам. Исследователи политической коммуникации, такие, как У. Липпман, П. Лазерсфельд, Б. Берельсон, Д. Батлер, Д. Каванах, А. Юрьев, Д. Ольшанский, Е. Шестопал, Г. Почепцов, А. Назаретян используют понятие политической коммуникации в первую очередь как коммуникации массовой, дающей возможность оказать необходимое информационное влияние на